

ВКЛАД Э.Р. ТЕНИШЕВА В ИЗУЧЕНИЕ САЛАРСКОГО ЯЗЫКА

М.Э. Дубровина

г. Санкт-Петербург

Резюме: Вслед за своим учителем С.Е. Маловым, Э.Р. Тенишева также заинтересовал один из малоизученных тюркских языков – саларский язык. В 1957 г. ученый был направлен для этой цели в научную экспедицию в Китай, в результате которой была написана монография «Строй саларского языка», представляющая собой одну из первых обобщающих грамматик этого языка. Труд вышел в свет в 1976 г., однако можно констатировать, что подобных полномасштабных описаний этого языка с тех пор практически не велось. Богатый фактический материал, а также ценнейшие лингвистические наблюдения ученого сохраняют свою актуальность и по сей день, а также представляют собой ценный объект для самостоятельных теоретических исследований.

Ключевые слова: саларский язык, Э.Р. Тенишев, тюркологи, тюркские языки, малые народы Китая.

Саларский язык представляет собой один из тюркских языков, распространенный в некоторых провинциях Китая. До исследований, проведенных Э.Р. Тенишевым, этот язык нечасто становился предметом научных изысканий. Однако в результате этих исследований ученые пришли к выводу, что саларский язык исконно был языком огузской группы, на строй которого со временем стали накладываться кыпчакские элементы [Лингвистический 1990: 28]. Однако именно благодаря усилиям Э.Р. Тенишева саларский язык получил столь детальное описание. Насколько становится понятным из обзора научной литературы, труд Э.Р. Тенишева представляет собой чуть ли не единственное описание этого языка, выполненное с такой полнотой и тщательностью. Ученый отмечает, что вследствие отсутствия собственного литературного языка и письменности, единственными источниками по изучению строя саларского языка являются лингвистические записи, которые делали разные исследователи [Тенишев 1976: 28]. Так, регистрация материалов саларского языка началась в конце XIX в. В то время практически одновременно публиковались работы Г.Н. Потанина, Ф. Пояркова и В. Ладыгина, В.В. Рокхилла [Тенишев 1976: 27]. Языковеды в результате своих исследований пришли к выводу о том, что саларский язык не является самостоятельным языком, а представляет собой один из диалектов уйгурского языка. Однако имеющихся на тот момент записей было немного, они едва ли могли послужить опорой для создания корпуса грамматики этого языка.

Дубровина Маргарита Эмильевна – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: maggydu@rambler.ru.

В 1957 г. Э.Р. Тенишев совершил лингвистическую командировку в Китай. По словам ученого, «целью поездки к саларам было: записать связные тексты – образцы языка и фольклора, особо фонетику, грамматику и лексику – по заранее составленной программе, одновременно заниматься поисками старых рукописных книг и вести наблюдения по этнографической тематике» [Тенишев 1976: 28]. Предварительными итогами этой поездки стали работы «Саларский язык» и «Саларские тексты», вышедшие в свет соответственно в 1963 и 1964 гг [Тенишев 1963, Тенишев 1964]. Заключительным же этапом этого трудоемкого исследования стала появившаяся в 1973 г. монография «Строй саларского языка». Эта работа имеет необыкновенную ценность для тюркского языкознания, содержит тонкие теоретические и практические замечания, сравнительные указания, которые позволяют современным лингвистам самостоятельно пройти все этапы изучения и анализа такого редкого тюркского языка. Саларский язык представляет собой значимый источник для различных теоретических изысканий, так как является языком, который испытал и продолжает испытывать сильнейшее влияние со стороны китайского языка, относящегося к языкам иной группы (аналитическим или корнеизолирующим). Благодаря работе Э.Р. Тенишева перед исследовательским взором предстает строй языка, имеющего многочисленные «отклонения от нормы». Будучи исконно тюркским языком огузской группы, саларский язык демонстрирует распад многих, казалось бы, незабываемых для агглютинативных языков категорий и форм, разрушение тех систем, которые сохраняются в большинстве тюркских языков, несмотря на то что и они в течение длительного времени испытывали, а многие и продолжают испытывать на себе влияние языка другого типа – русского.

В саларском языке под влиянием китайского языка произошли качественные изменения, нестабильным стал сингармонизм, прежде всего, в области, касающейся уподобления гласных в аффиксах. Как известно, сингармонизм представляет собой одну из основных особенностей, свойственных языкам агглютинативной группы. Некоторые ученые относят его к числу типологических черт этих языков, причем не только само его наличие признается строевой характеристикой, но и устойчивость сингармонизма в синхронии языка [Гузов, Бурыкин 2007: 116]. Тем не менее, в примерах из саларской разговорной речи видны постоянные колебания в употреблении гласных, что может свидетельствовать о разрушении этого явления.

Кроме того, Э.Р. Тенишев регистрирует очень значимый факт исчезновения личного спряжения в глагольных категориях времени [Тенишев 1976: 137]. Во всех парадигмах временных форм отсутствуют аффиксы сказуемости, формы перестали быть личными, оставаясь при этом финитными. Соотнесение же с субъектом действия происходит лексическим образом посредством постановки личного местоимения. Так может происходить в аналитическом английском языке (за исключением формы 3 л. ед. ч.), также подобное можно наблюдать отчасти и в русском языке в парадигме прошедшего времени (я купил, ты купил и т.д.).

Men alyr	‘я беру’	Pise(r) alyr	‘мы берем’
Sen alyr	‘ты берешь’	Seler alyr	‘вы берете’
Vu alyr	‘он, она берет’	Vuler alyr	‘они берут’

Men almes	‘я не беру’	Pise(r) almes	‘мы не берем’
Sen almes	‘ты не берешь’	Seler almes	‘вы не берете’
Vu almes	‘он, она не берет’	Vuler almes	‘они не берут’

Формы наклонений в саларском языке также потеряли свое спряжение, что вновь, вероятнее всего, является результатом китайского влияния [Тенишев 1976: 158–165].

Парадигма формоизменения повелительного наклонения выглядит следующим образом:

Sen	kel!	‘Ты приходи!’
Vu	kel!	‘Пусть он приходит!’
Seler	kel!	‘Вы приходите!’
Vuler	kel!	‘Пусть они приходят!’

В условном наклонении также не употребляются личные показатели:

Men oxuse	‘Если я читаю’	Piser oxuse	‘Если мы читаем’
Sen oxuse	‘Если ты читаешь’	Seler oxuse	‘Если вы читаете’
Vu oxuse	‘Если он читает’	Vuler oxuse	‘Если они читают’

При описании категории принадлежности Э.Р. Тенишев отметил интересную особенность саларского языка: он указал на деформацию или разрушение синтетического способа передачи принадлежности, вследствие чего произошло усечение парадигмы, когда отсутствуют самостоятельные аффиксы, указывающие на обладателя в форме 1 л. мн. ч. «мы», 2 л. мн. ч. «вы» и 3 л. мн. ч. «они» [Тенишев 1976: 103–104].

Palem	‘мой ребенок’ и ‘наш ребенок’
Paleŋ	‘твой ребенок’ и ‘ваш ребенок’
Palesi	‘его ребенок’ и ‘их ребенок’
Elim	‘моя рука’ и ‘наша рука’
Eliŋ	‘твоя рука’ и ‘ваша рука’
Eli	‘его рука’ и ‘их рука’

Кроме того, насколько становится понятным, в речи этого языка возможны нерегулярные изменения в постановке аффиксов принадлежности в цепочки внутри словоформы. Как известно, во всех тюркских языках позиция каждого показателя в ряду других внутри словоформы имеет жесткие правила: показатель множественности следует за основой слова, аффикс принадлежности за ним, после которого возможна постановка аффикса падежа. Примеры же, приводимые в работе Э.Р. Тенишева, имеют ценные указания на то, что под влиянием другого языка даже такое, казалось бы, устойчивое и действующее в остальных тюркских языках правило может подвергаться изменению.

Основной вариант:	Jirik + ler(1) + im(2) Сердце + ler (PL) + im(1 POSS)
Допустимый вариант:	jirig + im(1) + ler (2) Сердце + im(1 POSS) + ler (PL) мои сердца / наши сердца

Как было сказано выше, категории наклонений в саларском языке также лишены показателей со значением лица. Однако важными с теоретической точки зрения являются указания Э.Р. Тенишева на то, что до определенного времени эти формы были личными. Так, показатели лица при формах повелительного наклонения существовали до XV в., после чего начало происходить их стирание и постепенное исчезновение. В качестве доказательства ученый ссылается на материал фольклора и старых рукописных книг саларов, где встречаются формы 2 и 3 л. повелительного наклонения с аффиксами *-(y)nyş, -syn* [Тенишев 1976: 159]. Также, вновь опираясь на фольклорные тексты, Э.Р. Тенишев приводит примеры употребления до XVII–XVIII вв. и личных аффиксов условного наклонения [Тенишев 1976: 164]. Почему важны такие наблюдения? Дело в том, что в тюркском языкознании существует точка зрения, согласно которой тюркские языки могут восходить к древнейшему варианту языка, который мог представлять собой язык без морфологии, т. е. язык аморфного типа [Böhntlink 1851: 240–244; Grönbech 1936: 146; Дубровина 2010: 45]. В соответствие с этими представлениями, можно было бы предположить, что личные аффиксы в саларском языке просто исторически не развились, как, по нашему мнению, могло произойти с аффиксом родительного падежа в якутском языке [Дубровина 2016]. Тем не менее, конкретные примеры в монографии служат доказательством того, что на каком-то этапе развития этого тюркского языка существовали личные формы, которые в более позднее время под влиянием аналитического (корневого) языка исчезли из парадигматического ряда.

В своем исследовании при анализе фактического материала саларского языка Э.Р. Тенишев касается еще одной важной для теоретического языкознания темы – вопроса о нулевых формах в тюркской морфологии. Долгое время при описании строя различных тюркских языков тюркологи в категории множественности и склонения выделяли формы единственного числа и неопределенного падежа в качестве основных (нулевых) форм внутри парадигмы. Э.Р. Тенишев также, следуя установившейся традиции, ведет речь об этих формах [Тенишев 1976: 99, 102, 106]. Этот тезис может подтолкнуть лингвиста, занимающегося восточными языками, к некоторой дискуссии.

Принято считать, что морфологическая категория традиционно создается оппозицией соответствующих форм, по меньшей мере двух. Если одна из форм парадигмы не имеет материального выражения, то принято говорить о нулевом показателе. Признание нулевого форманта следует из обязательности материально выраженных показателей во всех прочих формах данного парадигматического ряда [Касевич 1970].

Тем не менее, предполагается, что постулат об обязательном наличии двух (чаще всего противопоставленных по своим значениям) форм в основе любой категории не может претендовать на универсальность. Так, многие исследователи не-флективных языков пришли к выводу, что в языках аморфных и агглютинирующих грамматическая категория может функционировать в рамках одночленной категории [Гузов, Насилов 1975: 28]. Обычно нулевую форму связывают с формой, имеющей нулевую морфему, *передающую определенное значение*. Нулевой экспонент же есть значащее отсутствие аффикса или служебного слова, регулярно противопоставляемое наличию аффикса или служебного слова в соот-

носительных случаях [Маслов 1987 :139]. Кроме того, чаще всего нулевая форма, если она является основной, имеет значение, которое противопоставляется значению аффиговых форм парадигмы, в случае же двучленности категории в значении нуля содержится нечто отрицающее то, что имеется в значении формы с материальным морфологическим показателем. По моему мнению, которое опирается на функциональный анализ различных тюркских языков, понятие нулевого члена в составе словоформы характерно в основном для флективных языков. Согласно известному наблюдению А. Мейе, «основной чертой индоевропейской системы является то, что в ней слово никогда не существует без особой грамматической характеристики» [Мейе 1952: 83]. Таким образом, необходимо принимать во внимание и такое мнение среди тюркологов, согласно которому в тюркском формообразовании нулевые формы отсутствуют [Гузев, Бурыкин 2007: 113].

В настоящей статье удалось остановиться лишь на некоторых моментах, которые продолжают оставаться важными и актуальными для современных исследователей грамматики тюркских языков. Труд Э.Р. Тенишева по анализу строя саларского языка до сих пор, на наш взгляд, является недооцененным и требует дополнительного внимания со стороны современных тюркологов.

Литература

- Гузев, Бурыкин 2007 – Гузев В.Г., Бурыкин А.А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – Том III, часть 1. – СПб., 2007. – С. 109–117. {V.G. Guzev, A.A. Burykin. The main organisation peculiarities of agglutinative languages // Acta Linguistica Petropolitana. Works of the Institute for Linguistic Studies. – Volume 3, Part 1. – Saint-Petersburg, 2007. – PP. 109–117.}
- Гузев, Насилов 1975 – Гузев В.Г., Насилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1975. – № 3. – С. 22–35. {V.G. Guzev, D.M. Nasilov. On interpretation of the category of number of nouns in Turkic languages // Voprosy yazykoznaniiya. – Moscow: Nauka, 1975. – No. 3. – PP. 22–35.}
- Дубровина 2010 – Дубровина М.Э. Морфология языка древнетюркских рунических надписей. Субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. – Lambert Academic Publishing, 2010. – 239 с. {M.E. Dubrovina. Morphology of the language of ancient Turkic runic inscriptions. Substantive inflexion. Analysis of the all-Turkic tendencies. – Lambert Academic Publishing, 2010. – 239 p.}
- Дубровина 2016 – Дубровина М.Э. О причинах «опущения» родительного падежа в тюркских языках // Научное наследие В.А. Богородицкого и современной вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и материалы междунар. конф. (Казань, 31 окт.–3 нояб. 2016): в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – Т. 1. – С. 126–132. {M.E. Dubrovina. On the causes of elision of the genitive case in Turkic languages // Scientific heritage of V.A. Bogoroditskiy and the modern direction of research of Kazan linguistic school: works and data of the International Conference (Kazan, October 31– November 3, 2016): In 3 Volumes. – Kazan: Kazan University publishing house, 2016. – Volume 1. – PP. 126–132.}
- Касевич 1970 – Касевич В.Б. Функциональные нули и их место в фонологической системе бирманского языка // Народы Азии и Африки. – 1970. – № 6. – С. 129–134. {V.B. Kasevich. The functional zeros and their place in phonological system of the Burmese language // Narody Azii i Afriki. – 1970. – No. 6. – PP. 129–134.}
- Лингвистический 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. {A Linguistic Encyclopaedic Dictionary / Executive editor V.N. Yartseva. – Moscow: Soviet Encyclopaedia, 1990. – 685 p.}

- Маслов 1987 – *Маслов Ю.С.* Введение в языковедение. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с. {*Yu.S. Maslov.* Introduction to Linguistics. – Moscow: Vysshaya shkola, 1987. – 272 p.}
- Мейе 1952 – *Мейе А.* Основные особенности германской группы языков. – М.: Издательство иностранной литературы, 1952. – 168 с. {*P.J.A. Meillet.* The main peculiarities of the Germanic group of languages. – Moscow: Foreign literature publishing house, 1952. – 168 p.}
- Тенишев 1976 – *Тенишев Э.Р.* Саларские тексты. – М.: Наука, 1964. – 142 с. {*E.R. Tenishev.* The Salar texts. – Moscow: Nauka, 1964. – 142 p.}
- Тенишев 1976 – *Тенишев Э.Р.* Саларский язык. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 56 с. {*E.R. Tenishev.* The Salar language. – Moscow: Oriental literature publishing house, 1963. – 56 p.}
- Тенишев 1976 – *Тенишев Э.Р.* Строй саларского языка. – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1976. – 574 с. {*E.R. Tenishev.* The system of the Salar language. – Moscow: Nauka publishing house. The main Editorship of the oriental literature, 1976. – 574 p.}
- Böhtlink 1851 – *Böhtlink O.* Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. – SPb., 1851. – LIII, – 300 S. + 97 S. + 184 S.
- Grönbech 1936 – *Grönbech K.* Der türkische Sprachbau. – Kopenhagen: Levin und Munksgaard, 1936. – 182 S.

Contribution of E.R. Tenishev to the study of the Salar language

M.E. Dubrovina

Saint-Petersburg

Summary: The article is devoted to the study of one of the monumental works of E.R. Tenishev «The structure of the Salar language». This monograph is one of the first generalizing grammars of the Salar language. The work was published in 1976, but it can be stated that such full-scale descriptions of this language have not been conducted since then. This work remains relevant and is a valuable object for independent theoretical research.

Key words: Salar language, E.R. Tenishev, turkologists, Turkic languages, small peoples of China.

Margarita Emilyevna Dubrovina – Ph.D. in philology, associate professor of St. Petersburg State University, e-mail: maggydu@rambler.ru.